

РОССИЙСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

12+

РОДИНА

04 2013

НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ
НОВОСТИ О ПРОШЛОМ

70
ЛЕТ

ВОЕННАЯ

КОНТРРАЗВЕДКА

ОПАСНАЯ ПРОФЕССИЯ*

Заседание учёного совета ИМР, посвящённое избранию новых научных сотрудников, происходило в конце июня. Заполнялось сразу около 60 вакансий, и кандидаты для избрания были отобраны и рекомендованы конкурсной комиссией. О том, что Решетовская является женой Солженицына, знали лишь четверо из 20 членов учёного совета. Обсуждений кандидатов почти не было: при таком их числе это невозможно. Директор института торопился завершить приём нового пополнения до начала летних отпусков. По итогам голосования Решетовская получила 18 «за» и два «против». Младших сотрудников, избранных по конкурсу, директор сразу зачислял в штат. Документы по «старшим» были отправлены на утверждение в Президиум АМН СССР. На 12 или 13 июля директор института, согласовав проблему в обнинских и калужских партийных инстанциях, пригласил Решетовскую и Солженицына к себе, поздравил с избранием и просил подготовиться к началу работы в сентябре. Он также обещал выделить для них трёхкомнатную квартиру в новом доме. Г. А. Зедгенидзе тоже был поклонником Солженицына.

Переезд в Обнинск казался настолько реальным, что Солженицын и Решетовская тут же поехали на своём «Москвиче» по окрестным деревням и посёлкам вдоль Калужского и Киевского шоссе, чтобы снять или купить какую-нибудь дачку недалеко от Обнинска. Солженицын в то время уже начал писать «Архипелаг Гулаг» (название было зашифровано), и эту работу он мог продолжать лишь в полной изоляции. Работа шла по частям, материалы для которых писатель возил с собой в машине. Возле деревни Рождество, примерно в 20 километрах от Обнинска по Киевскому шоссе в сторону Москвы, Солженицын и Решетовская случайно нашли даже не деревню, а садовый посёлок-кооператив, состоявший из небольших летних дачек с наделами земли в 10–12 соток. Сюда на лето приезжали отдыхать на короткие сроки не больше 20–30 человек. Одна из дач на дальнем от шоссе краю посёлка, на берегу небольшой речки Истья, продавалась. Владелец Борзов просил три тысячи рублей, Солженицын предложил две. Согласились на 2600. Сделку завершили 25 июля в местном

Нарофоминском сельсовете. Садовые домики не имеют адреса и не требуют прописок в милиции. Это было идеальным, как называл Солженицын, «укрывищем» и первой его собственностью. С одной стороны домик прикрывал большой сад, с другой стороны — речка. Полная изоляция и тишина. Именно в «Борзовке», или в «Рождестве-на-Истье», были написаны в 1965–1967 годах почти половина «Архипелага», первая часть «Ракового корпуса» и первая часть воспоминаний «Бодался телёнок с дубом». Сюда Солженицын в последующие три года приезжал и зимой, «печи топя и готовя сам». Половину одной из двух комнат здесь теперь занял большой письменный стол, кем-то подаренный писателю.

Однако с оформлением Решетовской на работу в лабораторию химической дозиметрии вскоре возникли разные осложнения. Президиум АМН СССР отменил результаты конкурса в ИМР, проведённого в конце июня. Это скорее всего не было связано с Решетовской, хотя Солженицын думал иначе. Дирекция института, не имея приличных кандидатов на многие вакансии, заполняла их для спасения «штатных единиц» случайными людьми, а иногда и «мёртвыми душами». Был объявлен повторный конкурс, в котором Решетовская продолжала участвовать. 17 июля Солженицын был приглашён в ЦК КПСС для беседы с новым секретарём ЦК по вопросам культуры, науки и литературы П. Н. Демичевым. Эта беседа подробно изложена в воспоминаниях «Бодался телёнок с дубом». Солженицын пожаловался на проблемы с переездом в Обнинск. Демичев тут же позвонил в Калужский обком и дал жёсткую директиву — обеспечить оформление жены Солженицына. (Такие телефонные директивы быстро оформлялись как решения отдела или даже секретариата ЦК). На следующий день первый секретарь обкома А. А. Кандрёнков приехал к директору института, и они вместе обсудили и решили положительно все проблемы. Однако формальности с повторным конкурсом переносились на октябрь.

В начале сентября я уехал в Тбилиси на похороны тёти и вернулся в Обнинск 13 сентября. Именно в это время произошло несколько неожиданных событий. Солженицын 4 или 5 сентября был чем-то сильно напуган, запаниковал и решил срочно забрать из «Нового ми-

ра» все экземпляры романа «В круге первом». 6 сентября он приехал на дачу к А. Т. Твардовскому с этой просьбой, а 7 сентября взял из сейфа «Нового мира» четыре экземпляра рукописи, три из которых отнёс своему другу В. Л. Теушу, бывшему учителю математики в Рязани, а четвёртый — Юрию Карякину, с которым он дружил с 1964 года. У Теуша Солженицын хранил и часть своего архива, увезённого из Рязани. На следующий день, 8 сентября, были арестованы писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль, издававшие свои произведения за границей, в основном во Франции, под псевдонимами Абрам Терц и Николай Аржак. (Разгадка псевдонимов заняла у КГБ несколько лет). Об этих арестах сообщали в передачах западных радиостанций. Но ни Синявского, ни Даниеля, ни их псевдонимов мы тогда не знали. Причины ареста были ещё неизвестны. 11 сентября опергруппа КГБ явилась с ордером на обыск к Теушу и конфисковала часть архива Солженицына и рукописи романа. Это событие также в то время прошло незамеченным и не комментировалось даже в передачах западных радиостанций. Об этой конфискации я узнал лишь 14 сентября, когда приехал в «Борзовку». Супруги были дома, но в очень угнетённом состоянии. Возможность переезда в Обнинск уже не казалась им реальной. Решетовская, однако, настаивала на участии в повторном конкурсе.

Вторичного голосования по избранию Решетовской не произошло. В октябре Демичев отменил все свои июльские директивы. Президиум АМН СССР распорядился изъять конкурсное дело Решетовской для отдельного рассмотрения, которое закончилось предсказуемым постановлением о том, что её квалификация «не соответствует» той должности, на которую она претендует.

Детали, важные для понимания этих событий, стали известны лишь 30 лет спустя, после публикации сборника «Кремлёвский самосуд: Секретные документы Политбюро о писателе А. Солженицыне» (Изд. «Родина». М. 1994). В этой большой книге (620 страниц) приведены тексты докладных записок КГБ в ЦК КПСС, обобщающих «оперативные материалы», то есть прослушивавшиеся разговоры Солженицына. Прослушивание началось, по-видимому, в июне 1965 года, так как в первом «меморандуме» КГБ «По опера-

*Продолжение. Начало см.: Родина. 2011. № 1, 5–6, 11–12; 2012. № 1–3, 12; 2013. № 2.

тивными материалам о настроениях писателя А. Солженицына», отправленном в ЦК КПСС 5 октября 1965-го председателем КГБ В. Е. Семичастным, главным является рассказ Солженицына о его поездке в Обнинск и встрече с Н. В. Тимофеевым-Ресовским: «Делясь своими впечатлениями о недавнем посещении г. Обнинска Калужской обл. и о встречах с научными работниками, СОЛЖЕНИЦЫН говорил: «... Там сейчас такой стиль — не вступать в партию... ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ сказал: «У нас не было ни одного партийного среди 725 младших сотрудников. Потом вступили двое. Когда они вступили, то они как-то безнадежно оторвались от коллектива — их все презирали, высмеивали...» (с. 10). (Тимофеев-Ресовский ничего подобного говорить не мог, у нас в отделе было не больше 30 младших сотрудников и никто из них в КПСС не вступал).

Из записи этих бесед в КГБ узнали и о работе над «Архипелагом»: «Я сейчас должен выиграть время, чтобы написать «Архипелаг». Я сейчас бешено пишу, запоем... Я обрушу целую лавину... Наступит время, я дам одновременный и страшущий залп... Первая часть «Фабрика тюрьмы». Я всё написал, 15 печатных листов. Вторая часть «Вечное движение». Это этапы и пересылки. Я её закончил... Написана «Каторга» — 12 глав... Полная картина «Архипелага»... прямо лава течёт, когда я пишу «Архипелаг», нельзя остановить. Думаю, что к будущему лету я закончу «Архипелаг». Солженицын также раскрывал свои планы о публикации произведений за границей: «Я пушу здесь по рукам всё и там опубликую (смеётся). Что будет не знаю. Сам, наверное, буду сидеть в Бастилии, но не унываю». На высказанную в разговоре мысль о возможности передачи рукописей за границу СОЛЖЕНИЦЫН ответил: «Так там оно и есть» (с. 12–14).

Судя по записи, Солженицын говорил всё это двум людям, отвечая на их вопросы. Столь полная открытость Солженицына непонятна. «Архипелаг Гулаг» Солженицын в то время скрывал от всех. Лично я об этой работе не знал до её публикации. С «меморандумом» из КГБ, судя по примечаниям составителей сборника, познакомились Сулов, Шелепин, Демичев, Андропов, Косыгин, Подгорный, Микоян, Устинов и Мазуров. Для членов ЦК КПСС в докладной от КГБ были составлены также аннотации романа «В круге первом» и других конфискованных рукописей. Можно лишь догадываться о том, какие чувства могли вызвать у партийных лидеров такие, например, строчки из стихотворной пьесы «Пир победителей»:

«СССР! Ведь это лес дремучий!

Дремучий лес!

Законов нет! — есть ВЛАСТЬ — хватать и мучать

По конституции и без».

До недавнего времени не было точно известно, в какой конкретной квартире производилось прослушивание разговоров. В то время Солженицын уже боялся откровенно говорить по телефону, но о квартирных прослушках, ещё не подозревал. После возвращения в Россию из США в 1994 году, Солженицын сам впервые прочитал свои разговоры, приведённые в «меморандуме» КГБ. В период подготовки в 2006 году новой биографии писателя (она вышла уже после его смерти в серии «Жизнь замечательных людей») он, подтвердив достоверность записи, объяснил автору книги Людмиле Сараскиной, что в «меморандуме» соединены два разговора: один — о посещении Обнинска, у Теушей, другой, с раскрытием замыслов по «Архипелагу», и по отправке рукописей за границу, — у Кобозева. Н. И. Кобозев, известный учёный, профессор химии МГУ, был в 1947–1949 годах руководителем диссертации Н. А. Решетовской. Он читал первые произведения Солженицына ещё тогда, когда никому неизвестный писатель преподавал астрономию в рязанской средней школе. Солженицын ограничивался астрономией, чтобы иметь меньше уроков.

«Спустя десятилетия, — пишет Сараскина, — Солженицын прочтёт «меморандум» в печати, опознает свой рассказ — в квартире у Кобозева, прикопанного к постели. А. И. любил и жалел старика, делился с ним впечатлениями и замыслами, считал, что здесь уследить за ним невозможно. Уследили» (с. 339). Кобозеву в то время было 62 года.

Это свидетельствует о том, что за Солженицыным в 1965 году велось постоянное «плотное» наблюдение. Бывший председатель КГБ Семичастный написал книгу воспоминаний «Беспокойное сердце» (Изд. «Вагриус». М. 2002). Он признал, что за Солженицыным с конца 1964 года проводилась слежка. «Мы не занимались тотальным прослушиванием — слишком дорогое удовольствие, только кого надо». «Плотная» слежка должна осуществляться большой группой квалифицированных агентов-оперативников, и она может включать не только прослушивание квартир, но и установку радиомаяка, «жучка», на машину, в которой наблюдаемый перемещается. «Солженицынская» опергруппа в КГБ была обязана всегда знать, где он находится. «Укрывище» Солженицына в «Рождестве-на-Истье» не могло в этом случае оставаться тайной для КГБ. Квар-

тира Тимофеева-Ресовского, возможно, также прослушивалась, но уже в интересах обнинского отдела КГБ. В этой квартире собирались традиционные «timoфеевские среды» для разных дискуссий. Однако КГБ в то время принимало какие-то конкретные репрессивные действия лишь при наличии одобрения Президиума ЦК КПСС. Санкция на обыск у Теуша, безусловно, была получена в ЦК КПСС.

В ноябре 1965 года в отдел кадров ИМП пришло письменное распоряжение из отдела кадров АМН СССР. Предлагалось до конца года уволить на пенсию Н. В. Тимофеева-Ресовского «в связи с достижением им 65-и летнего возраста» и Е. А. Тимофееву-Ресовскую «в связи с достижением ею 67-и летнего возраста». Основаниями для увольнения были реальные постановления Совета министров СССР от 1960 года, ограничивавшие срок пребывания учёных на административных постах 65-летним возрастом. Для научных сотрудников-женщин перевод на пенсию был возможен с 60-летнего возраста. Были ли за этим распоряжением из АМН СССР какие-либо политические мотивы или нет, неизвестно. Такая практика обязательного увольнения на пенсию учёных, достигших возраста 65 лет, действительно существовала во многих странах Западной Европы. В Великобритании она была автоматической, оговоренной в договоре, заключаемом при вступлении в должность. В СССР законодательно ввели такую же практику, с исключениями лишь для «выдающихся учёных — членов-корреспондентов и действительных членов Академии наук», которые могли продолжать работу без возрастных ограничений.

Для института увольнение Тимофеева-Ресовского было большим ударом, а для него лично — трагедией. Ни у Николая Владимировича, ни у Елены Александровны не было «минимального стажа» работы — 25 лет для мужчин, 20 лет для женщин — для оформления пенсии. При увольнении они лишались всех средств к существованию. Директор института срочно собрал учёный совет. Было единогласно принято решение: представить Тимофеева-Ресовского на выборы в члены-корреспонденты АМН СССР, а также к званию «профессора»: профессорам разрешалась работа «по подготовке аспирантов» до 70 лет. В декабре Президиум АМН СССР продлил срок работы Тимофеева-Ресовского на должности заведующего отделом на один год. Елене Александровне срок работы не продляли. Она осталась работать в институте, но на добровольных началах, без зарплаты и без пенсии.

г. Лондон

Продолжение следует